

В. Н. Скалон

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОХОТНИЧЬЕХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Основой всей жизни и деятельности человека являются природные ресурсы. Их мы делим на две неравные сферы: ресурсы, не способные к самовозобновлению, то есть то, что относится к неживой природе, и ресурсы, способные к самовозобновлению, или ресурсы живой природы, растения и животные.

В их использовании должны практиковаться принципиально различные методы.

Ресурсы неживой природы используются по принципу **промысла**, то есть извлечения в принципе полностью, до последней единицы измерения (например, нефть до литра, золото до грамма и т. д.). Извлечение должно осуществляться в максимальных пределах, в кратчайшие сроки и с наименьшей затратой сил и средств. После этого месторождение забрасывается полностью, но нарушенный ландшафт по возможности восстанавливается. В отношении этих ресурсов закономерен термин «запасы», то есть нечто, находящееся в кладовой природы, так сказать, капитал, положенный без процентов в банк на имя человека, то есть могущий быть изъятым рано или поздно без расчета на его увеличение.

Ресурсы живой природы не могут быть использованы на принципе промысла, так как, будучи изъяты без расчета, они исчезнут, что совершенно невыгодно. Они используются по принципу хозяйствования, т. е. берется определенная часть организмов (в отношении животных — часть поголовья) в количествах, не превышающих ежегодного приплода. Если этого нет, происходит уничтожение, хищничество, которое не имеет оправдания в условиях нарастающего ограничения возможностей такого использования. В отношении этих ресурсов выражение «запасы» совершенно неприменимо, так как речь идет только о производительных возможностях данного количества организмов, для животных — поголовья. Впрочем, выражение

«запасы» применяется почему-то лишь в отношении дикой живой природы. Говорят «запасы леса», но никто не скажет «запасы яблонь». Говорят «запасы соболя», но бессмысленно покажется выражение «запасы баранов». Да такое словоупотребление и есть бессмыслица.

Запасами становятся продукты, получаемые в результате убоя животных или растений, — древесина, шкуры и мясо, пушные шкурки и т. п. Они при этом переходят в область использования ресурсов неживой природы, т. е. в совершенно другую категорию.

Итак, область деятельности, имеющая перед собой ресурсы неживой природы, есть промышленность, те же отрасли, которые основаны на ресурсах живой природы, есть область сельского хозяйства, и не случайно В. И. Ленин отнес к области сельского хозяйства охоту.

Разумеется, охоту с сельским хозяйством роднит вовсе не только принцип использования ресурсов, но и все вообще.

Основной базой всех отраслей сельского хозяйства являются земельные (отчасти водные) угодья: пахотные, кормовые, охотничьи и т. д. В этом смысле единство полное.

Продукция сельского хозяйства создается за счет использования растений и животных. Соответственно, зерно или овощи, мясо домашних животных или диких, кожи домашних или диких животных, меха домашних (клеточных лисиц, кошек) или диких животных. Единство и здесь полное.

Специфика охотничьего хозяйства однако же имеется и большая. Прежде всего характерно отсутствие заботы о диких животных в смысле кормов, предоставления убежищ, непосредственной охраны и выпаса. В этом смысле охотничье хозяйство близко к отгонному животноводству, в частности оленеводству и табунному коневодству.

Во-вторых, это определенная экстенсивность охотничьего хозяйства, которая не есть его недостаток или признак отсталости, но органическая особенность. С единицы используемой площади наибольший выход ценностей дает полеводство (а также плодоводство, огородничество и т. д.), несколько ниже — скотоводство (наименьший от табунного коневодства и оленеводства) и в охотничьем хозяйстве — минимальный выход ценностей.

Поэтому для ведения охотничьего хозяйства нужны большие, даже огромные площади, максимальные в смысле поручения одному трудящемуся; в скотоводстве меньше; в полеводстве еще меньше, в такой отрасли, как виноградарство, например, вероятно, наименьшие.

Соответственно, и затраты труда и средств на единицу площади в охотничьем хозяйстве наименьшие.

Если говорить о себестоимости продукции, то несомненно, что охотхозяйственная продукция имеет минимальную себестоимость и притом производство ценностей на единицу труда в охотничьем хозяйстве выше, чем в какой-либо другой отрасли сельского хозяйства. Так, например, один охотник-производитель в среднем добывает, скажем, 50 соболей, 500 белок, 1000 ондатр. Если представить их действительную стоимость в международной валюте, то окажется следующее. Соболю в среднем идет 90 рублей, белка в 1 руб. 80 коп., ондатра в полтора рубля. В то же время стоимость мерининовой шерсти на мировом рынке около 2200 руб. тонна, пшеницы около 3 рублей центнер, такой товар, как стальные рельсы, 50 рублей тонна и т. п.

Можно представить себе результаты труда охотников в производстве товаров на внутреннем рынке. Из 60 шкур ондатры получается женское манто стоимостью свыше 400 рублей. Иначе говоря, тот же охотник, доставив 1000 шкур ондатры, даст хозяйству 16 манто общей стоимостью 36400 р.

Охотхозяйственная деятельность возможна при наличии трех условий, обязательных для любого производства: труда, предмета и средства труда. Работа охотников — труд; предмет труда — охотничьи животные, а для охотничьего хозяйства — и охотугодья; средства труда — орудия охоты, охотугодья и охотничьи животные, транспорт и другие материальные условия существования охоты. В процессе охоты происходит использование в известной степени продуктов человеческого труда, а не сбор «даров природы», так как охотничья фауна, охотугодья в настоящем виде есть и продолжают становиться результатом деятельности человека.

Охотничьему хозяйству, как сказано, полностью присущи основные особенности, характерные для сельского хозяйства. а именно: предметом и средством труда служат живые организмы, а земля (охотугодья) — основное средство производства. На общие черты охотничьего и сельского хозяйства указывал К. Маркс, когда писал, что «это естественная производительность земледельческого труда (куда в данной связи относится труд простого собирания, охоты, рыболовства, скотоводства) является базисом всякого прибавочного труда...» (К. Маркс. Капитал, т. 3, стр. 645).

В связи с тем, что в охотничьем хозяйстве чрезвычайно ограничено применение техники, в нем особенно большое значение имеют личная квалификация и физические данные трудящегося — охотника-профессионала.

Очень высока степень ответственности трудящегося перед государством, поскольку охотнику-профессионалу лично поручаются для использования участки территории в сотни квадратных километров, чего нет ни в одной другой отрасли. Очевидна необходимость широкого доверия этому трудящемуся, поскольку он оперирует с ценностями экспортного значения, а по условиям труда повседневный контроль за его деятельностью неосуществим. Из этого вытекает необходимость особо тщательного подбора трудящихся и самого тщательного внимания к их интересам, что далеко не всегда соблюдается.

В настоящее время с кадрами охотников дело обстоит чрезвычайно плохо. Повсюду снижается количество охотников-производственников, и этот вполне отрицательный процесс рассматривается некоторыми теоретиками как прогрессивное явление. Бытуют теории возможности замены охотников-профессионалов любителями, необязательности для охотников опыта и знания местных условий, пренебрежение к самой сущности охотхозяйственного производства и т. п.

В связи с этим нарастает крайне неблагоприятное состояние основных кадров охотничьего хозяйства.

За охотником-профессионалом не признается права на оплату по труду и самый труд производителя ценностей общегосударственного значения приравнивается к случайному заработку. Охотник трудится как «кустарь-одиночка», да еще без предоставления полуфабрикатов. Кроме того, он имеет возможность зарабатывать на своих угодьях только в сезон охоты, а в остальном обязан трудиться по указанию руководства хозяйства как разнорабочий, без всякого учета квалификации. В результате, имея на своей ответственности огромный, в несколько сот квадратных километров участок советской территории, он не только не получает ничего за его охрану, но даже времени не имеет на оборудование и благоустройство его для повышения производительности своего труда. Очевидно, требуется установление оплаты охотнику за охрану угодий на правах лесника с возложением ответственности за благополучие участка во все пожароопасное время. Охотник не получает никакого специализированного снабжения ни боеприпасами, ни ловушками (получаемые им капканы на 50% и более — брак), ни одеждой, ни пищевыми концентратами. В то же время, если он, оставив дело охоты, уйдет, например, рабочим в экспедицию или на прииск, он получит и зарплату постоянную и большую, и снабжение наилучшее, и, что особенно важно подчеркнуть, будет точно так же зарабатывать на охоте, поскольку имеет полную возможность уходить в тайгу на сезон в порядке трудового отпуска, и добавочного — без сохранения

содержания. Или мы должны качественно изменить условия труда охотника-производственника, или этот вид квалификации исчезнет со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Охотники-любители в числе увеличиваются, но в настоящее время в подавляющем большинстве охотятся где и как попало. Между тем, организованный охотник — друг природы, неорганизованный — враг природы, легко скатывающийся к браконьерству. Требуется разрешение охоты давать только в пределах территории, отведенной под любительские охотничьехозяйственные предприятия, одновременно строго и навсегда запретить охоту на так называемых «угодьях общего пользования». Таких никак нельзя допускать. Площади, не закрепленные за охотхозяйственными предприятиями, должны называться «государственным запасным фондом охотничьих угодий» и как таковые находиться под охраной.

В связи со сказанным, надо остановиться на том, что собственно такое «охотник», есть ли такая специальность и все ли охотники равны перед лицом общества.

Дело в том, что у нас сплошь и рядом говорят об охотниках вообще, в связи с чем и возникают мысли о том, что между ними нет разницы в том смысле, что любому охотнику можно, например, при его желании с успехом заниматься производством продуктов дикой живой природы для государства, совмещая это с трудовым отпуском. Это-де нечто очень простое.

Есть мнение о том, что охота как специальность бесперспективна уже потому, что сама эта отрасль не имеет будущего, в связи с ростом населения и освоением им территории.

Такие суждения необоснованны, и об этом надо сказать.

Опыт стран народной демократии убеждает нас, что рост населения сам по себе вовсе не означает сужение возможности существования на угодьях охотничьих животных. Если человек относится к ним по-хозяйски, то есть во всяком случае не менее внимательно и терпимо, чем к животным домашним, они будут существовать и благоденствовать повсюду. Сколько бы ни приходили в тайгу посторонние люди, если они не проявят себя врагами природы, а будут относиться к ней с такой же бережливостью, как к культурным паркам, садам и зоопаркам, гораздо больше, чем сейчас, будет повсюду зверя и не прекратится охота в смысле своевременного снятия урочая — отстрела избытка поголовья каждого вида.

Будет ли это индивидуальное обслуживание своих участков охотниками-производственниками, или они станут гидами и надзирателями за охотниками-спортсменами, придет-

шими в охотугодья поохотиться без всякой корыстной цели, результат будет один и тот же: природа будет производить все, на что способна, люди будут получать от нее и материальные и духовные ценности, и гармония в отношениях человека и природы не будет нарушаться.

Во всяком случае, не снижение надобности в охотниках-производственниках, не отказ от них в будущем, а неуклонно возрастающая надобность в них очевидна, и упускать это го из поля зрения человечества никак нельзя.

Утверждая это, надо еще и еще раз подчеркнуть, что охотник это вовсе не только «человек с ружьем». Даже каждый любитель, человек, ищущий в охоте в основном лишь отдых, обязан обзавестись кое-какими навыками прежде, чем получит право быть признанным охотником. У нас, к сожалению, все разговоры об «охоттехминимуме», все попытки упорядочить состав обществ охотников остаются в области пожеланий. Даже членами общества охотников состоит самая малая часть лиц, считающих себя охотниками и требующих права на добывание зверей и птиц. У нас, скажем уверенно, больше браконьеров, чем охотников, и это совершенно нетерпимо.

Кстати сказать, до сих пор везде и всюду говорят и пишут об охотниках-браконьерах. Это не только неверно, но и оскорбительно для охотников так же, как если бы стали ставить знак равенства между чабаном и баранчаем. Браконьер — охотничий вор и только, как воров только и можно их рассматривать.

Нельзя не выразить сожаления по поводу того, что в настоящее время даже органы, ведающие вопросами охоты, совершенно примирительно относятся к личности браконьера. Так, например, в проекте подлежащих принятию правил охоты в стране нигде не сказано, что браконьерство есть воровство. В разделе, где говорится о возмездии за нарушение правил охоты — то есть за браконьерство, ибо по-русски «браконьерство» и есть «незаконная охота» — предусматривается: на первый раз замечание, на второй раз общественное внушение или лишение права охоты и лишь на третий раз штраф. Предусмотрено также, что если у браконьера есть документ, удостоверяющий личность, то орудия браконьерства у него вообще не изымаются, а если документа нет, то изъять их можно, но... временно.

Такое положение ни с чем не соотносимо.

Ведь если человек уличен в краже скота или домашней птицы, то кто же вздумает ограничивать взыскание.... выгово-

ром! Если вора застали на месте преступления, то кому же придет в голову оставить у него орудия взлома или отобрать у него «фомку» лишь на время.

Если добавить к тому, что штрафы взимают местные административные комиссии, хотя всем известно, что они всегда с величайшим либерализмом относятся к браконьерам, то нужно ли удивляться тому, что борьба с браконьерством по существу не приносит никакого результата и оно остается не исключением, а правилом.

В борьбе с этим въедливым злом первое место должно получить всяческое поощрение тех, кто с ним борется, стремясь к тому, чтобы борьба с браконьерством (дело сложное и жизненно опасное) стала выгоднее, чем само браконьерство, и оно погаснет. То есть лицо, вскрывшее браконьера, должно получать не только половину штрафа (а штраф должен быть единым во всех случаях незаконного убоя животных и равным 50 руб.), но и половину суммы гражданского иска, вчиняемого нарушителю без ограничения суммы, которая должна зависеть от стоимости объекта. Ставши очень высоким, заработок ловца браконьеров обратит к нему самих браконьеров (а они, как правило, большие ловкачи и пролазы) и они моментально исключат условия, при которых браконьерство возможно. Штатные охранники-«егери» — могут быть только в любительских охотничьих хозяйствах. Наличие их в производственных охотничьих хозяйствах есть проявление полнейшей охотоведческой безграмотности и терпимым может быть только для курьеза. Разумеется, охотник, которому поручен участок охотугодий, должен обладать правом преследования нарушителей, начиная с конфискации оружия, орудий лова и транспорта, при помощи которого осуществляется нарушение, со сдачей конфискованного по акту предприятию. При конфискации незаконно добытой продукции охотник и всякий работник должен иметь право на получение половины стоимости конфискованной продукции, по оценке лиц, принимающих ее на складе.

Признавая обязательной подготовку к тому, чтобы стать охотником-любителем, мы с особенной настойчивостью подчкркнем, что для того, чтобы стать охотником-производственным, надо сделаться специалистом своего дела.

Чтобы человек мог без нужды существовать за счет использования даров дикой живой природы, за счет охоты, он должен обладать и физическими и моральными данными: быть достаточно выносливым, досконально знать условия охоты в том районе, где он решит трудиться, должен быть глубоко осведомлен в жизни природы, изучить уголья и знать об-

раз жизни объектов своего труда. Охотник должен быть мастером техники охоты — и ружейной, и ловушечной... Все это чрезвычайно сложное дело, и очень ошибаются те, кто отрицает серьезность требований, которые жизнь предъявляет охотнику-производителю.

А такие есть. Н. И. Ча — старый работник охотничьего хозяйства Якутии — выступил в газете «Социалистическая Якутия» со статьей «Охотник ждет перемен» (5. III. 1966).

Он утверждает, что сокращение численности, можно сказать, исчезновение охотников-профессионалов есть явление вполне закономерное. Люди-де не желают мириться с тяжелейшими условиями существования таежного и тундрового охотника, не желают жить в одиночестве, и этот процесс будет только нарастать. Он рекомендует в принципе изменить условия производства пушнины, а именно: с наступлением сезона охоты забрасывать на уголья большое количество лиц, изъявивших желание принять участие в таком мероприятии, и они в кратчайшее время будут добывать все то, что можно будет на основании предварительно произведенных авиаучетов.

Это предложение, странное для каждого охотоведа, видимо, разделяют и другие работники республики. Это видно из того, что предложение Н. И. Ча повторено в статье коллектива авторов «Проблемы Якутии» («Сельхозпроизводство Сибири и ДВ», 1967, № 6), а затем в книге большого коллектива авторов «Экономика и культура народов севера Якутии» (Якутский филиал СО АН СССР. Отд. экономики. М., «Наука», 1968, стр. 57).

Разумеется, никто из осведомленных людей такие высказывания не поддержит. Конечно, современные условия труда охотников-профессионалов неоправданно тяжелы, но это не причина отказа от их труда вообще; задача — упорядочение их быта и производственных условий, а это вполне достижимо.

Никто не спорит против того, что немало людей стремится жить в городах и что условия жизни в них благоприятны. Однако необходимо осваивать и просторы тайги и тундры, и нет недостатка в людях, которые согласны жить в этих просторах и не видят в этом большой беды.

Более того, охотникам-таежникам и тундровикам жизнь в природе милее всего. Они стремятся к ней, мирясь с недостатками, и вовсе не мечтают о городской жизни. Впрочем, жизнь в одиночестве, притом многие годы и даже навсегда свойственна вовсе не одним охотникам. Лесники, сторожа приисков, маячники, метеорологи, дорожники и представители множества других профессий ведут жизнь даже гораздо более уеди-

ценную, чем охотники, которые значительное время проводят в селениях, и не жалуется на свою судьбу. Что же касается вопросов снабжения одеждой и пищей, установления связи с обществом, то в наш век авиации, радио и телевидения преодолеть такого рода беды и недочеты чрезвычайно просто.

Однако суть вовсе не в этом. Перед нами задача освоения огромных пространств, задача извлечения больших ценностей, и решить ее мы можем только опираясь на кадры охотников-профессионалов. Нет никакой возможности переложить это на случайных людей, хотя бы они и горели желанием взяться за таежный труд.

Дело в том, что, с одной стороны, способность жить в тайге за счет ресурсов дикой живой природы требует огромных навыков. С другой — надо отлично знать свои угодья. Тот, кто только странствует по тайге, никогда не сможет освоить ее богатства и не заработает на хлеб. «Бродячие туземцы», о которых писалось прежде немало, существовали только в воображении горожан-этнографов. Более того, «кочевой быт» таежных охотников на деле есть не что иное как необходимые круглогодичные производственные передвижения семьи или артели охотников по строго определенным маршрутам по отлично известной местности. Ничего случайного в их жизненном цикле не было и быть не могло. Отлично знали они каждую пядь своих родовых угодий, отлично были осведомлены о том, где именно и в каком количестве возьмут они в определенное время те или иные продукты: и мясного и пушного зверя, и рыбу, и ягоды, и орехи. Существовали они, используя достижения своей древней национальной культуры таежной и тундровой жизни, осваивая огромные пространства.

Эту культуру надо признавать, уважать, использовать ее при освоении ресурсов дикой живой природы тайги и тундры, насыщая жизнь их обитателей всеми благами культуры социалистической. К этому у нас есть все возможности.

Но таежная культура вовсе не так проста и примитивна, как могут думать неосведомленные люди. Напротив. Она сложна и требует вдумчивого освоения. Ей надо учиться, и мы считаем, что в борьбе за увеличение числа охотников-производственников, необходимых и тайге и тундре, большое место должно принадлежать ученичеству. Сейчас его фактически нет. Дело в том, что если охотник берет ученика, например в промысле, то ему выплывает ничтожная сумма, да и то при условии, что ученик выполнит половину плана сдачи продукции, что совершенно нереально. Сам же ученик получает еще более ничтожное пособие на тех же условиях. В то же

время, если тот же молодой человек, в том же промхозе, станет учеником, скажем бондаря, он и его учитель получат немалую мзду без всяких трудновыполнимых условий. Надо не только упорядочить ученичество, но сделать нечто большее. В районах Крайнего Севера и приравненных к ним в сельской местности надо школьные каникулы назначать на время охотничьего сезона, а пришкольные участки строить за счет приписки охотничьих угодий. В школах должно идти производственное обучение по программе подготовки охотников-профессионалов.

Как мы знаем, основой охотничьего хозяйства является земля — охотничьи угодья. Предметы труда охотника — дикие животные, а также ресурсы дикой растительности — размещены в природе дисперсно, с относительно малой плотностью на единицу площади. Для успешного их освоения надо иметь возможность в нужный срок и с наименьшей затратой труда и времени посещать те или иные угодья. По характеру освоения, каждый охотник должен охватывать большую площадь угодий, причем не только для того, чтобы «снять урожай» — добыть то, что запланировано, но и подготовить этот урожай, то есть обеспечить охрану угодий, своевременно осуществить подготовку рабочего места и т. д., словом, должен находиться на угодьях круглый год, за исключением законного трудового отпуска.

Чем скуднее ресурсы, тем большую площадь охватывает один охотник, тем рассредоточеннее население. Наименьшие площади освоения в «черной тайге», гораздо большие в тайге «светлой» — в лиственничниках, так как в черной тайге можно охотиться пешком и использовать самоловы, а в светлой — охотиться надо верхом на оленях и на самоловы полагаться можно лишь вокруг населенного пункта. Еще больше индивидуальные участки в тундре и даже внутри этой зоны различны по размерам.

При таких обстоятельствах, естественно, охотник в интересах дела должен, во-первых, жить по возможности близко от своих угодий, а во-вторых, количество охотников, могущих жить в одном пункте, не может быть большим.

Так всегда и было. Именно по этой причине таежная оседлость всегда была мелкой и мельчайшей. По этой причине, как сказано, оленные аборигены сохраняли образ жизни, который, по недоразумению, считался «кочевым» и даже «бродячим», хотя в действительности имели место строго определенные производственные передвижения охотника, в одиночку или с семьей, по точно определенному маршруту, строившемуся в

соответствии с интересами освоения территории. «Бродячих туземцев», о которых писали в прежние времена, вовсе не существовало. Бродя по тайге, умрешь с голоду, а аборигены отлично кормились и производили большую массу товарной продукции, в основном пушнины.

В связи с этим, создавая охотхозяйственные предприятия, надо иметь в виду необходимость рассредоточения населения в зависимости от возможности освоения территории.

Таежные и тундровые поселения, рассчитанные на использование ресурсов дикой живой природы, включая оленеводство и вольное якутское коневодство, требующие больших пространств, не могут быть большими, так как их существование станет слишком невыгодным, убыточным, производственно бессмысленным.

В книге «Воспроизводство трудовых ресурсов Дальнего Востока» (СО АН СССР, М., изд. «Наука», 1969) коллектив авторов пишет: «Специалисты считают нижшим пределом людности, обеспечивающим создание необходимой и экономической сети культурно-бытовых учреждений, населенные пункты в 800 — 1500, а оптимальный размер определяют в пределах 3—5 тысяч жителей» (стр. 44). Приходится признать, что для охотхозяйственных предприятий эти пределы населенности просто невозможны. Они должны быть маленькими и экономически целесообразнее затрачивать лишние средства на культурное обслуживание малых групп населения, чем создавать значительные поселения, которые дешевле и проще будет обслуживать, но зато в производственном отношении они себя никак оправдывать не могут.

Такое противоречие имеет весьма существенное значение вообще, но оно возникает именно по той причине, что «специалисты», на авторитет которых ссылаются авторы названной книги, совершенно незнакомы с задачами освоения ресурсов дикой живой природы. Они исходят из данных градостроительства, совершенно упуская из вида практически целесообразное использование богатств природы вообще и Севера в особенности. Следуя их утверждениям, мы сведем к нулю не только доходность, но и самую возможность разумного использования того, что может дать относительно скудная природа тайги и тундры, и усугубим запустение и беспризорность огромных пространств, которые ранее успешно осваивались абсолютно очень малым, но разумно размещенным коренным населением.

Успех всякого социалистического сельскохозяйственного предприятия требует прежде всего ликвидации всех видов обезлички пользования. В полнейшей степени это относится

и к охотничьему хозяйству. Существование охотхозяйственного предприятия начинается с общего охотустройства, то есть охотничьего землеустройства. Все попытки обойти эти условия, имевшие место, в частности, в Иркутской области, где коопзверопромхозы создавались просто по решению Облпотребсоюза, никогда не давали удовлетворительных результатов.

Охотустройство есть процесс совершенно определенный, состоящий из двух этапов: 1. Общее, или межхозяйственное, охотустройство, которым определяются возможности и границы предприятия. 2. Специальное, или внутрихозяйственное охотустройство, вытекающее из факта реализации результатов общего охотустройства.

Первый этап — процесс экспедиционный, конечный, завершающийся решениями директивных органов. Второй этап — процесс бесконечный, протекающий все время, в порядке совершенствования деятельности предприятия, силами специалистов этого предприятия и руководимых ими охотников. Попытки смешивать эти фазы, которые бывали не раз, попытки осуществлять внутреннее охотустройство экспедиционным путем никогда положительных результатов не давали и никогда не дадут, так как это невозможно. Это лишь напрасная трата труда и больших денег. Охотустройство всегда проводится при участии охотников.

Рекомендации общего охотустройства неизбежно должны вытекать из нужд местного населения, выяснение которых — основная задача охотустроителей. Для того, чтобы проекты общего устройства получили силу и могли быть представлены на утверждение, они предварительно предъявляются охотникам и утверждаются на их собраниях. Без этого пользы от охотустройства быть не может.

Внутреннее охотустройство, как сказано, осуществляется в постоянном и теснейшем содружестве специалистов с охотниками и без этого толку от них не будет. Ведь штатные, то есть постоянные, охотники хозяйства есть и знатоки дела. Умельцы, в большинстве энтузиасты своего труда, на которых хозяйство и опирается. Кстати сказать, количество этих охотников в существующих предприятиях всегда ничтожно мало, делеги-руководители делают ставку на сезонных охотников, и в этом гибельное будущее этих предприятий.

В целом охотустройство есть задача производственная, в которой научные изыскания строго подчинены нуждам дела. К сожалению, нередко случаются, когда охотустройство подменяется более или менее сложными биологическими исследованиями, целью которых, в большинстве, является составление

хитроумных диссертаций для руководителей. В этом большая ошибка. Все биологические вопросы в охотустройстве носят чисто подчиненный характер. Конечно, нельзя отказывать участникам работ в праве заниматься и особой, научной работой. Но следует помнить, что это их частное дело, которое может осуществляться в нерабочее время.

Охотустройство проводится, и охотустроители в нем участвуют для охотников, для производства, и результаты их работы должны проверяться успехами производства, а не братья на веру.

В связи со сказанным нельзя не обратить внимания на роль охотоведов в судьбе охотничьехозяйственной отрасли. К сожалению, в то время, когда ни у кого не возникает сомнения в том, что агроном неизменно руководящее лицо в полеводстве, а зоотехник — в животноводстве, аналогичное значение охотоведов в нашей отрасли многими не осознано, а некоторыми продолжает отрицаться.

Такое положение, явная недооценка роли охотоведа объясняется прежде всего их недостатком, в результате чего на должности охотоведов назначают людей, не имеющих специального образования. Противно правилам, принятым в сельском хозяйстве, не существует и различия в отношении к охотоведам со средним и высшим образованием.

Последнее в основном объясняется крайне неопределенным положением охотоведа. Должны быть специалистами сельского хозяйства и воспитываясь последние 20 лет в сельскохозяйственном институте, охотоведы, удивительным образом, получают звание не «ученого охотоведа», как надо в сравнении с их товарищами «учеными агрономами» и «учеными зоотехниками», а именуются «биологами-охотоведами».

Разумеется, здесь недоразумение. Всякий работник, имеющий дело с живой природой: агроном, врач, зоотехник, биохимик,—все они биологи, но так их в дипломах никто не называет, потому что это бессмысленно.

В отношении охотоведов этот нонсенс неизвестно почему сохраняется, хотя и сильно вредит делу, дезориентируя специалистов. Более того, в утвержденном ныне учебном плане и профиль специальности охотоведа относится к биологии, и науки в нем преобладают чисто биологические с добавлением химии. Все это приносит большой вред.

Охотоведы, имеющие знакомство с производством и его нуждами, издавна и настойчиво борются за исправление и буквы и сущности в подготовке охотоведов. Для них не возникало сомнения, что стране не нужны неопределенно выученные химики-биологи. Такое образование приводит лишь к не-

обходимости переучиваться на местах тем, кто поставил своей целью быть охотоведом, полезным любимому делу. Это же обстоятельство во многом определяет большой отход «биологов-охотоведов» на работу, не связанную с охотничьим хозяйством. Много их уходит в систему Министерства здравоохранения, где полученные ими теоретические знания более полезны для дела. Но ведь не в этом решение вопроса.

Надо надеяться, что в ближайшее время затянувшееся на десятилетия недоразумение кончится и охотоведы высшей квалификации займут свое место в сельском хозяйстве страны.

Разумеется, количество охотоведов должно быть во много раз увеличено. Возможности развития отрасли существуют везде, везде нужны и ученые охотоведы, которых и надо готовить в разных концах страны в сельскохозяйственных учебных заведениях.

Охотхозяйственное районирование площадей должно осуществляться не по физико-географическому, а по экономико-географическому принципу, то есть на основе учения Карла Маркса о специфических хозяйственных особенностях севера Европейской России. Он писал, что для них характерно: «Расхождение периода производства и рабочего периода, причем последний образует только часть первого, является основой для соединения земледелия с подсобными сельскими промыслами» (Капитал, изд. 1951 г., стр. 237). Непонимание этого суждения гнало пустых теоретиков на север с продвижением основных отраслей сельского хозяйства во что бы то ни стало, что принесло огромные убытки и не меньшее разочарование. Только то, что в данных условиях выгодно, и должно осуществляться с учетом еще той совершенно реальной необходимости, которую в наше время представляет охрана природы, о чем мы говорим далее особо!

Занимаясь охотустройством, всегда надо помнить, что охотничье хозяйство везде комплексное, с весьма различной степенью важности составляющих этот комплекс. Определить возможность увязки дела охоты с другими занятиями нелегко, так как возможность этой увязки различна в различных зонах страны и зависит от ряда конкретных причин.

Попытки организовывать только ондатровые хозяйства не удавались. Равным образом опыты создания хозяйств в расчете только на один вид занятий («кедропромхозы») потерпели полный провал. Следовательно, охотничье хозяйство возможно лишь в расчете на все полезности дикой живой природы на данной территории. Сюда, в том числе, должна включаться и рыба второстепенных водоемов. Всюду, где рента-

• бильно ичеловодство, пасеки — естественный элемент сочетания внутри охотхозяйственного предприятия. Равным образом, оленеводство в таежной зоне вполне включается в охотхозяйственный комплекс. В тайге оно транспортное, а его продукты имеют подсобное значение. В тундре, напротив, оленеводство обычно — основная отрасль, а охотничье хозяйство — подчиненная.

Звероводство, противно давно укоренившемуся и еще не признанному предрассудку, в охотхозяйственный комплекс совсем не входит. Напротив, как правило, эти отрасли антагонистичны: звероводство процветает там, где имеется избыток продуктов полеводства и животноводства, оно возможно на берегах океана и морей, где имеется избыток продуктов рыбного и морского зверобойного промыслов; в тайге и в тундре ничего этого нет, и звероводство всегда целиком убыточно даже при существующей преференции в оплате клеточных и курок.

Сочетание с лесным хозяйством практически невозможно. Массовые лесовырубки уничтожают базу охотхозяйства. Как нечто подсобное и только подсобное, использование леса в таком хозяйстве возможно. Однако при неправильной постановке дела лесное производство становится основным и подавляет охотпользование. Возникают карликовые лесохозяйственные предприятия, представляющие никому не нужные добавления к современному высокомеханизированному лесохозяйственному производству, а сами эти предприятия теряют возможность выполнять свою задачу — организацию использования ресурсов дикой живой природы тайги.

В то же время среди полезных дикой живой природы, сплошь и рядом первое место по доходности предприятий занимает не охота как таковая, а использование орехов, ягод, грибов, даже лекарственных растений. В этом нет никакого противоречия: на первом месте всегда должно быть главное с учетом, однако, того, что производство пушной продукции как экспортного сырья неизменно должно быть центром внимания руководства.

| Полеводство и животноводство никак не могут входить в задачи охотхозяйственного предприятия иначе, как в пределах удовлетворения потребностей работников самого хозяйства. Во всех случаях, когда возникает тенденция поручать охотничьим хозяйствам развитие основных отраслей сельского хозяйства, происходит недоразумение, и хозяйства становятся убыточными в высшей степени.

Специфика тайги и тундры велика и неоднородна. При-
способление к ней нелегко и требует гибкости и знаний. По-

этому руководство северными сельскохозяйственными предприятиями надо поручать достойным, стажированным людям и нужно давать им возможность самим определять свои возможности, без мелочной опеки сверху.

В частности, профиль каждого хозяйства нельзя определять заранее и на постоянное время, так как сплошь и рядом осуществление планов, «спущенных» без достаточного знания дела сверху, оказывается невозможным. Если в результате неумной теоретизации и хозяйствования без знания местных условий хозяйственные предприятия терпят постоянные убытки, надо смело и окончательно отказываться от того, что неизбежно убыточно. Надо помнить, что если в результате неумелого хозяйствования сгорят ягельники и леса и воцарится биологическая пустыня, то большего вреда для народа не может и быть, и необходимо сконцентрировать все силы к тому, чтобы это не наступило.

Все сказанное относится к охотничьим хозяйствам, где использование ресурсов дикой живой природы является основной отраслью, что имеет место всюду в районах Крайнего Севера и приравненных к ним.

Там, где использование этих ресурсов является подчиненным, там, где преобладают полеводство и животноводство, вопросы охотхозяйственного производства оказываются второстепенными, даже вполне подчиненными. Надо однако твердо помнить, что в любом районе нашей страны производственное охотничье хозяйство, возможно, нужно и оно отлично увязывается со всеми отраслями сельского хозяйства, занимая в их комплексе даже самое малое место.

К сожалению, это обстоятельство повсюду совершенно упускается до сих пор из вида, в результате чего недобирается большая масса высокоценных продуктов продовольствия и сырья для легкой промышленности.

Дело в том, что везде на полях и пастбищах могут и должны жить в изобилии звери и птицы; они в высшей степени полезны в смысле борьбы с вредителями и в то же время могут быть объектом производства большого количества охотничьей продукции. Что касается пернатых, то дичеразведение обязательно должно стать предметом планируемой заботы всех сельскохозяйственных предприятий, так как иначе мы не добьемся возможности сократить поток ядохимикатов в природу. Особо отметим, что ондатроводство также должно стать элементом планируемых задач сельскохозяйственных предприятий, которые надо привлечь к освоению богатств наших водоемов, лежащих, как правило, за пределами их деятельности.

Говоря об охотничьем хозяйстве в обжитых районах, необходимо подчеркнуть особенно большое значение, которое играет в них охота по перу. Этот вопрос исчерпывающе разработан Т. Н. Гагиной в статье «Принципы использования пернатой дичи» («Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока», 1965, № 9).

Автор указывает, что заготовки пернатой дичи, притом только боровой, могут быть осуществляемы лишь в районах Крайнего Севера и приравненных к ним. В обжитых районах они недопустимы. В них птицы должны быть признаны прежде всего важным средством борьбы с вредителями сельского хозяйства и забота о них должна вменяться в обязанность сельскохозяйственным предприятиям как существенный раздел борьбы за урожай.

Охота по перу в обжитых районах может быть допускаема только по достижении достаточной плотности птиц на единицу площади и лишь в пределах организованных любительских охотничьих хозяйств. Впредь до того, как поголовье пернатых достигнет надлежащего уровня, следует осуществлять строгие общие запреты охоты по перу в обжитых районах. Всякий расчет на «неисчерпаемость запасов» пернатой дичи грубо ошибочен. Для того, чтобы не прийти к ее исчезновению, необходимо самое заботливое отношение к ней повсюду, включая Крайний Север, где уже не осталось мест, недосягаемых для охотников.

В настоящее время планирование производства продуктов дикой живой природы осуществляется совершенно неправильно. Их рассматривают как «заготовки», а в каждом охотхозяйственном предприятии, претендующем на уровень социалистического, происходит производство, а не заготовки. Планы строятся по уровню предшествующего года с механическим увеличением на несколько процентов. Это затянувшееся недоразумение. Ведь продуктивность дикой живой природы изменчива и от человека не зависит.

Производительность охотничьих угодий, как правило, тем выше, чем южнее район. Правда, в условиях Крайнего Севера, при стечении благоприятных обстоятельств, возможны гигантские всплески производительности (песец в Арктике, заяц в Якутии, дикие куриные в тундре и в тайге), которые остаются неиспользованными из-за низкого уровня организационной деятельности в охотничьехозяйственной отрасли сельского хозяйства. В конечном счете, производительность охотничьих угодий есть функция отношения к ним охотпользователей — охотников. Если люди предоставят животным возможность

размножаться в меру их естественных способностей, то высокая производительность угодий будет обеспечена. Значит, если мы доведем уровень использования до того, чтобы он не выходил из рамок ежегодного приплода с учетом оставления части его на ремонт стада, постоянная и высокая производительность угодий будет обеспечена (что мы и видим в соседних с нами братских странах на западе).

Важно знать, что синхронности «урожаев» ресурсов дикой природы (и растительных и животных) не наблюдается. Поэтому предусматривать уровень производства того или иного вида продуктов затруднительно, особенно из центра (ведь разница в условиях уровня развития тех или иных продуктов дикой живой природы огромна в нашей огромной стране). Планировать производство продуктов на каждый год надо снизу, предоставив большую свободу в этом смысле самим охотхозяйственным предприятиям.

Себестоимость и рентабельность производства продуктов дикой живой природы в значительной степени зависят от местных условий, прежде всего от транспорта. Только пушнина выдерживает всякий фрахт. Мясопродукты и продукты растительные полностью зависят от возможности вывоза и сбыта. Поэтому в каждом отдельном хозяйстве надо стараться установить возможность сбыта продукции этого хозяйства в ближайших местах сбыта, заключая двусторонние договоры на сбыт тех или иных продуктов, кроме пушнины. В этом смысле руководители предприятий должны располагать полной инициативой, включая определение приемочных и продажных цен.

В целом продукция охотничьего хозяйства есть весь комплекс того, что дает дикая живая природа и этим именно и должны они заниматься. Повторим, что нагрузка этих предприятий полеводством, животноводством, лесозаготовками, звероводством, выжиганием извести и т. п. превращает их в «кустпромартели» и лишает возможности осуществлять то, для чего они и созданы. Кажущаяся выгода от таких побочных занятий, развиваемых сплошь и рядом из ложно понимаемой необходимости «занять людей общественно-полезным трудом», сводит к нулю основную идею создания этих предприятий: охрану и рациональное использование ресурсов дикой живой природы.

Необходимо раз и навсегда усвоить, что охрана, использование и воспроизводство охотхозяйственных ресурсов есть разные аспекты одной задачи и одно без другого невозможно. Все зависит от людей и степени их организованности. Однако в настоящее время вопросы охраны природы должны прева-

лировать потому, что степень ее оскудения на значительных пространствах далеко превзошла допустимые размеры.

Во всяком случае необходимо принять как аксиому утверждение о том, что охотничье-хозяйственное предприятие обязано отнюдь не только осваивать ресурсы дикой живой природы закрепленных за ним пространств, но непременно охранять эти пространства, без чего освоение непременно будет случайным или, точнее, хищническим. В настоящее время охрана леса, считается, осуществляется лесной стражей. Однако только в самых малолесных районах эта охрана действительно осуществима. В тайге ничтожные по численности представители лесной стражи и лесного ведомства вообще осуществляют задачу охраны лесов только на бумаге. Самое большее, что они делают, это регистрируют очаги пожаров, так как даже организацию тушения осуществить обычно не могут.

Между тем, задача вовсе не только в борьбе с пожарами. Необходимо устранить возможность возникновения пожаров. Так как подавляющее количество пожаров в тайге происходит по вине людей, предотвращение их зависит от осуществления постоянного надзора за людьми, попадающими в тайгу в пожароопасное время. Таких людей очень много сейчас, количество их неуклонно возрастает по мере развития изыскательных работ и строительства в тайге, а главным образом по причине стремительного роста туризма. Если продвижение людей в тайгу без действенного контроля будет продолжаться и нарастать, разрушение таежных угодий будет только увеличиваться, и это грозит неминуемыми бедствиями.

Мы считаем, что надо положить предел проникновению в тайгу неорганизованного населения. Всякие же группы и отряды должны направляться в тайгу не иначе, как в сопровождении проводников-гидов, как это, например, осуществляется повсюду в Африке в отношении тропических джунглей. И вот этими-то надзирателями, этими гидами и должны стать охотники-производственники, всей своей жизнью связанные с тайгой, каждый в пределах порученного ему участка.

Расходы на проводников должны планироваться, как это часто и бывает, но деньги надо выплачивать дирекции хозяйства, а охотник должен получать оклад лесника.¹

В то же время охотник-гид будет уполномочен обеспечивать группу мясом зверя, в соответствии с полученными лицензиями. Он же будет следить и за охотой членов группы с

¹ В. Н. Скалон, Т. Н. Гагина. Предложения по упорядочению дела охраны и использования ресурсов дикой живой природы. Иркутск, 1969.

полным учетом прав его, охотника, на использование ресурсов дикой живой природы порученного ему участка. То есть охота по перу может быть допущена, но в строгом соответствии с уровнем урожая данного года и с соблюдением интересов владельца охотничьего участка, а добывание зверя, крупного и пушного, разрешено быть не должно.

Это положение имеет значение всюду, но особенно велико его значение в районах Севера, где растения и животные существуют в условиях пессимума, легко поддаются истреблению и крайне медленно восстанавливают свои производительные возможности.

Данное утверждение, сформулированное нами для Иркутской области,¹ полностью сохраняет свою значимость везде, и чем севернее, тем оно актуальнее. В этом смысле особенно показательно разрушительное влияние техники на природу Крайнего Севера. Это остроощутимо, например, в смысле воздействия механизированного транспорта на почвенный покров тайги и тундры, тем более — ягельные пастбища. Даже более или менее регулярный проезд на легких нартах или проход с вьюками оставляет на ягельном покрове тайги неизгладимый след в виде ленты чистого песка или дресвы. Даже однократный пробег вездехода на десятилетия уничтожает ягель на своем пути, уничтожает мелкие деревья и кусты. Если вездеходы, как это, к сожалению, без всякой нужды практикуется широко, бегают взад и вперед по тайге и тундре сотнями километров, олени пастбища получают непоправимый урон. Гибнет растительность вообще, возникает непоправимая эрозия скудных почв. С этим мириться нельзя. Механизированный транспорт на Севере должен применяться только на строго определенных трассах.

¹ Т. П. Гагина, В. Н. Скалоп. Особое значение природоохранительной работы на севере Иркутской области. Природа, ее охрана и рациональное использование. (Тезисы докладов II Иркутской областной конференции по охране и рациональному использованию природных ресурсов). Иркутская областная организация ВООП. Иркутск, 1970, стр. 47—51.